

Copyright © 2015 by Sochi State University

Published in the Russian Federation
Bylye Gody

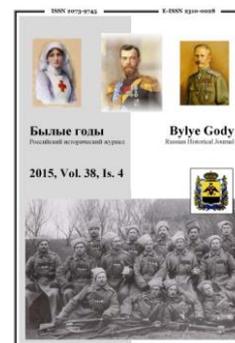
Has been issued since 2006.

ISSN: 2073-9745

E-ISSN: 2310-0028

Vol. 38, Is. 4, pp. 1069-1077, 2015

<http://bg.sutr.ru/>

UDC 821.161.1

The Revolutionary Movement in the Evaluation of F.M. Dostoevsky: To Understand Conservatism in the Political History of Russia

¹ Konstantin A. Lotarev

² Oleg V. Kuznetsov

¹ Volgograd State University, Russian Federation
PhD (Political Sciences), Assistant Professor
E-mail: lotarev16@mail.ru

² Volgograd State University, Russian Federation
PhD (History), Assistant Professor
E-mail: kusnezov_oleg@mail.ru

Abstract

The article attempts to show the features of the conservative worldview of F. M. Dostoevsky through the prism of his assessments of the revolutionary movement and socialist ideas in Russia. The main focus is on the analysis of artistic creativity, and journalism, especially "Diary of a Writer". This allowed us to identify the political views of F. M. Dostoevsky and the possibility of their practical implementation. It is concluded that the main cause of the political turmoil in the 1860s – early 1880s, the spread of revolutionary ideas the writer felt a deep moral crisis afflicting Russian society. Therefore, the cause of the crisis he saw not in reforming state institutions, and in fundamental moral renewal of Russian life on the basis of Christian Orthodox values.

Keywords: social movement, revolutionary movement, political thought, conservatism, liberalism, socialism, painiketta.

Введение

Консервативное мировоззрение, как представителей власти, так и части общества – от народа до образованной элиты, по онтологии своей выполняет функцию политической и социальной стабилизации, основанной на поступательном и преемственном историческом развитии. Оно же в периоды различных обострений и радикальных настроений становится источником формирования и действия консервативных концепций, доктрин и идеологий, направленных на преодоление кризисных явлений и утверждение стабилизации и консолидации общества и государства. С конца восьмидесятых годов XX века, обусловленная необходимостью более системного и не ангажированного подхода, возникла волна научных исследований, посвящённых консервативному феномену в российской истории. Большой интерес представляют исторические персоналии, жизнь и деятельность которых имели не только довольно заметный политический резонанс, но и реальное воздействие на ход российской истории [1, 2, 3, 4, 5].

Материалы и методы

В основе статьи используются аналитические научно-исторические материалы, а так же первоисточники, относящиеся к документально-повествовательному виду. Обращение авторов к источникам личного происхождения, вышедших из под пера известных в XIX веке общественных и государственных деятелей имеет целью документально и образно показать политическую борьбу идеологических и мировоззренческих установок, оказавших сильное влияние на исторические судьбы Российского общества и государства. В контексте исторического времени публицистические сочинения Ф.М. Достоевского и К.П. Победоносцева представляют ценность, которую трудно переоценить в силу широты и глубины затрагиваемых аспектов жизни и духовно-нравственного

состояния общества. Достаточно известными были так же и сочинения генерала Р.А. Фадеева. Но главным образом в статье анализируются социально-политические и духовно-нравственные ценности Ф.М. Достоевского в контексте борьбы либеральных, консервативных и социалистических идей в Российской империи второй половины XIX века. «Дневник писателя» сравнительно мало исследован в исторической науке, в отличие от художественных произведений Ф.М. Достоевского. Между тем источник даёт богатый материал для изучения и анализа консервативных исканий в условиях радикальных и революционных общественных настроений.

При проведении данного исследования были использованы принципы объективности и историзма. Применение общенаучных и всеобщих исторических методов: проблемного, аналитического, логического, критического, сравнительного, позволило ещё более приблизиться к осмыслению феномена консерватизма и его позитивной роли в борьбе с тщеславными и опасными в силу своей радикальности и разрушительности идеологическими доктринами.

Обсуждение

В конце XVIII века в России зарождается революционная традиция [6, с.3, 57]. А в XIX веке революционное движение становится важнейшей частью и во многом ключевым фактором общественно-политической борьбы. В названный период основными направлениями общественной мысли и общественного движения были консервативное, либеральное, социалистическое, выражавшие различные и взаимоисключающие проекты социально-экономического и политического устройства.

Революционное движение, как и революционные формы борьбы, принято обычно связывать с социалистическим направлением в общественном движении. Действительно, социалисты наиболее часто и успешно, с точки зрения достижения ими своих целей, к ним прибегали. Однако революционная традиция в России зарождается почти на полвека раньше, чем в русском обществе получают распространение социалистические идеи. А первую серьёзную попытку применить на практике революционные методы предприняли декабристы: «революционеры в военных мундирах» [6, с. 80].

В современной литературе неоднократно отмечался либеральный характер идеологии декабризма [7, с. 332, 345, 352]. Показательны последствия этой неудачной либеральной попытки прийти к власти революционным путём. С одной стороны, у русских либералов надолго отпала охота братья за оружие. Лишь в начале XX века, в период Первой российской революции, русская буржуазия, полноправная носительница идей либерализма, вновь обратится к революционным методам борьбы. С другой стороны, после поражения декабристов революционное движение прервётся почти на два десятилетия: у смельчаков, вышедших на Сенатскую площадь, не окажется достойных последователей, да и в обществе идеи насильственного изменения государственного строя не будут пользоваться большой популярностью.

Революционное движение возродится к середине XIX столетия, но инициатива прочно перейдёт к социалистам. В течение десятилетий слова «революционное движение» и «социалистическое движение» будут восприниматься как синонимы. (Впрочем, в определённом политическом контексте даже консерватизм может быть революционным. Именно так известный славянофил Ю.Ф. Самарин определил взгляды одного современного ему консервативного публициста: Р.А. Фадеева.)

Размах революционного движения, его эффективность зависели от разных факторов. Важнейшими являлись, безусловно, число вовлечённых в революционную борьбу лиц, степень их организованности, готовность отдать себя движению. В то же время не последнюю роль играло и отношение к нему со стороны общества. Общественные настроения в немалой степени определялись позицией, мнением людей, служивших авторитетом, бывших, так сказать общественной совестью.

Одним из них являлся Ф.М. Достоевский. В своем художественном творчестве, публицистике он поднимал самые злободневные проблемы русской жизни первых пореформенных десятилетий. Его сочинения неизменно вызвали большой общественный резонанс и превращались в фактор острой идейно-политической борьбы. К.П. Победоносцев, являвшийся в это время наставником наследника престола великого князя Александра Александровича, был внимательным читателем всего, что выходило из-под пера Ф.М. Достоевского, и периодически знакомил с его произведениями своего подопечного. Революционное движение, как нам представляется, в то время в большей степени, нежели позиция либералов или консерваторов, влияло на внутреннюю и отчасти на внешнюю политику самодержавия. И Ф.М. Достоевский не мог оставаться только сторонним наблюдателем активной деятельности революционного подполья на протяжении почти двух десятилетий. У писателя были и личные мотивы публично высказаться о причинах роста революционного движения и вовлечения в него всё большего числа молодежи, его разрушительных последствиях. Как известно, в молодости он был осуждён за принадлежность к кружку петрашевцев и несколько лет провёл на каторге и в солдатах. Поэтому революционная тема в 1860–1870-е годы становится, без преувеличения, сквозной в творчестве писателя. Не случайно и героя своего последнего романа, Алёшу Карамазова, Ф.М. Достоевский собирался провести через горнило революционных испытаний.

Исходя из сказанного, вполне правомерно выглядит обращение к оценкам революционного движения, дававшимся Ф.М. Достоевским. Для нас несомненен консерватизм его мировоззрения. Консервативными были не только общественно-политические взгляды Ф.М. Достоевского, но и его историософия, восходящая к теории славянофилов. Русский пореформенный консерватизм был явлением неоднородным и весьма противоречивым, в нем без труда просматриваются различные течения, выразителями которых были, в частности, М.Н. Катков, В.П. Меццкерский, уже упомянутые К.П. Победоносцев и Р.А. Фадеев. Тем важнее, через призму оценок Ф.М. Достоевским феномена русского революционного движения, попытаться понять особенности консерватизма писателя, его место и роль в ряду других мыслителей этого направления общественной мысли.

Дополнительную актуальность наследию Ф.М. Достоевского придает то важное обстоятельство, что современный мир переживает подъем радикально-революционного движения. На части постсоветского пространства и в некоторых сопредельных странах они выступают в качестве так называемых «цветных революций». В отдельных регионах радикализм приобретает форму религиозного фундаментализма и т.д.

Как отмечалось выше, революционная тема была сквозной для творчества Ф.М. Достоевского в последние два десятилетия его жизни. Революционные мотивы прослеживаются в таких романах, как «Преступление и наказание», «Идиот», «Подросток», «Братья Карамазовы». Без сомнения, самым «революционным», точнее, антиреволюционным художественным произведением писателя являются «Бесы», в основу которых, как известно, была положена фабула дела С.Г. Нечаева. Он был создателем подпольной революционной организации «Народная расправа» и автором «Катехизиса революционера», в котором откровенно, если не сказать цинично, изложил основные цели и, главное, методы революционной борьбы. Несмотря на грандиозные замыслы, в итоге вся эта борьба свелась к убийству одного из членов организации, возмущенного методами С.Г. Нечаева и пожелавшего покинуть ее ряды. Вместе с тем для понимания сложного, далеко неоднозначного восприятия Ф.М. Достоевским революционного движения одного романа «Бесы» будет недостаточно. И здесь не обойтись без обращения к публицистике Ф.М. Достоевского, прежде всего к «Дневнику писателя».

Жанровое своеобразие «Дневника писателя», его проблематика изучены неплохо (сошлемся для примера на одно из последних исследований на эту тему [8]), что избавляет нас от необходимости останавливаться на данном сюжете. Заметим только, что благодаря «Дневнику писателя» к изучению творчества Ф.М. Достоевского, наряду с филологами и философами, могут широко подключиться историки и политологи – специалисты в области общественно-политической мысли и историографии. Последнее подтверждается, в частности, работой У.С. Любятинской, удачно вписавшей Ф.М. Достоевского в контекст истории русской исторической мысли [9].

Для консервативного мыслителя, то есть приверженца традиционных общественных устоев, больше всего ценящего процесс естественного, органического развития, ратующего за перемены, вытекающие из всего хода исторического процесса, отношение к революции, революционному движению, революционным методам политической борьбы может быть только однозначно отрицательным. И обращение к творческому наследию консерваторов-современников Ф.М. Достоевского, к примеру, перечисленных чуть выше, подтверждает данную мысль. В случае с самим Ф.М. Достоевским дело обстоит значительно сложнее. Попытаемся раскрыть и обосновать это утверждение.

Революционная и социалистическая тематика появляется на страницах «Дневника писателя» едва ли не с первых страниц: автор вспоминает о своих встречах с А.И. Герценом, В.Г. Белинским, Н.Г. Чернышевским. Ф.М. Достоевский показал, что в А.И. Герцене талант художника, мыслителя, блестящего писателя уживались с доходящим до цинизма неверием в проповедуемые идеалы. «Он отрекся от основ прежнего общества, отрицал семейство и был, кажется, хорошим отцом и мужем. Отрицал собственность, а в ожидании успел устроить дела свои и с удовольствием ощущал за границей свою обеспеченность. Он заводил революции и подстрекал к ним других и в то же время любил комфорт и семейный покой» [10, т. 21, с. 9]. В.Г. Белинский, напротив, показан человеком «беззаветно восторженным», верящим в то, что он исповедует. При всем несходстве этих двух личностей Ф.М. Достоевский определил главное, на его взгляд, что их объединяло. Будучи приверженцами социализма, они отвергали нравственные основы современного им общества – христианскую религию. «Я застал его страстным социалистом, и он прямо начал со мной с атеизма», – вспоминал Ф.М. Достоевский свою первую встречу с В.Г. Белинским [10, т. 21, с. 10]. От встреч с Н.Г. Чернышевским у автора «Дневника писателя» остались тёплые воспоминания, которые не омрачила даже серьёзная разница во взглядах: «Мне наружность и манера Чернышевского нравились. <...> Признаюсь, я редко встречал более мягкого и радушного человека <...> Чернышевский никогда не обижал меня своими убеждениями. Можно очень уважать человека, расходясь с ним в мнениях радикально» [10, т. 21, с. 25–26, 29].

В контексте воспоминаний о своих встречах с Н.Г. Чернышевским Ф.М. Достоевский высказался в «Дневнике писателя» о так называемом прокламационном движении начала 1860 годов. Распространение прокламаций стало одним из проявлений начала нового этапа революционного движения, беспрерывно нараставшего с этого момента и достигшего своей

кульминации в 1870-е годы. Одна из таких прокламаций, «К молодому поколению», попала в руки Ф.М. Достоевского. По его признанию, прокламация произвела ошеломляющее действие, став «как бы новым неожиданным откровением». Ошеломил писателя не сам факт появления прокламаций и даже не их содержание. Он никак не ожидал, что так низко мог пасть уровень революционного движения по сравнению с прежним временем: «Тут подавлял один факт: уровень образования, развития и хоть какого-нибудь понимания действительности, подавлял ужасно. <...> Никогда до этого дня не предполагал я такого ничтожества! Пугала именно степень этого ничтожества» [10, т. 21, с. 25]. Можно даже сказать, что Ф.М. Достоевский, давно распрошавшийся с социалистическими увлечениями молодости, был разочарован в новом поколении революционеров: «И вот мне, давно уже душой и сердцем не согласному ни с этими людьми, ни со смыслом их движения, – мне вдруг тогда стало досадно и почти как бы стыдно за их неумелость: «Зачем у них это так глупо и неумело выходит?» [10, т. 21, с. 25].

Ответом на последний вопрос стала отчасти статья «Одна из современных фальшей», появившаяся в «Дневнике писателя» в том же 1873 году. Ф.М. Достоевский не мог не сравнивать свое поколение, петрашевцев, увлеченных идеями теоретического социализма, с поколением революционеров-нечаевцев, захваченных социализмом политическим. Писатель признавал, что его увлечение в 1840-е годы, повторим и подчеркнем, теоретическим, социализмом было заблуждением, но для того времени вполне оправданным. Вот как он сам об этом пишет: «... тогда понималось дело еще в самом розовом и райско-нравственном свете. Действительно правда, что зарождавшийся социализм сравнивался тогда, даже некоторыми из коноводов его, с христианством и принимался лишь за поправку и улучшение последнего, сообразно веку и цивилизации (сочинение одного из теоретиков социализма, А. Сен-Симона, так и называлась «Новое христианство». – О.К.). Все эти тогдашние новые идеи нам в Петербурге ужасно нравились, казались в высшей степени святыми и нравственными и, главное, общечеловеческими, будущим законом всего без исключения человечества. <...> Все эти убеждения о безнравственности самих оснований (христианских) современного общества, о безнравственности религии, семейства; о безнравственности права собственности; все эти идеи об уничтожении национальностей во имя всеобщего братства людей, о презрении к отечеству, как к тормозу во всеобщем развитии, и проч. и проч. – всё это были такие влияния, которых мы преодолеть не могли и которые захватывали, напротив, наши сердца и умы во имя какого-то великодушия. Во всяком случае тема казалась величавою и стоявшею далеко выше уровня тогдашних господствовавших понятий – а это-то и соблазняло» [10, т. 21, с. 130–131].

Петрашевцы были людьми образованными, находившимися далеко не внизу социальной лестницы, но даже они, по признанию Ф.М. Достоевского, не смогли устоять перед соблазном рисовавшегося им во всем своем великолепии социалистического будущего. Будущее было соблазнительным до такой степени, что они вполне могли ради его приближения даже совершить убийство «à la Нечаев» [см.: 10, т. 21, с. 131].

Здесь Ф.М. Достоевский затрагивает важнейшую проблему, которая неизбежно встает почти перед любым приверженцем социалистических идей, когда дело доходит до воплощения теории на практике, когда идея, что называется, «попадает на улицу». Тогда на смену социализму теоретическому приходит социализм политический. Последний, как представлялось Ф.М. Достоевскому, «произошел» «из нетерпения голодных людей, разжигаемых теориями будущего блаженства». Если писатель допускал возможность революционного насилия даже в рамках теоретического социализма, то социалистическая практика вела к насилию в массовом масштабе. Содержание современного ему социализма, политического социализма, а следовательно, и революционного движения писатель видел «лишь в желании повсеместного грабежа всех собственников классами неимущими» [10, т. 21, с. 130]. И принять это содержание он никак не мог. Тем более, если учесть, что увлечение и прежними идеями было признано ошибкой.

Разговор с читателями о различных поколениях революционеров Ф.М. Достоевский продолжил в январском выпуске «Дневника писателя» за 1877 год, статьей (главкой) «Старина о петрашевцах». Поводом, как он сам отмечает, стала публикация в «Петербургской газете». Кратко проследившая историю революционного движения, автор газетной статьи обратил внимание на то, до какой степени за несколько десятилетий измельчал сам тип революционера в России: от лиц «из среды высшего интеллигентного общества» до «полуграмотного сброда» и «фабричного забулдыги».

Ф.М. Достоевского задело в этой публикации упоминание о петрашевцах, поставленных значительно ниже декабристов. Поэтому он предложил собственное представление об эволюции «типа политического преступника» в России. Для писателя и декабристы и петрашевцы принадлежали к одному поколению революционеров: «... петрашевцы были совершенно ещё одного типа с декабристами <...>» [10, т. 25, с. 25]. Среди петрашевцев, аргументировал своё утверждение автор «Дневника писателя», было немало людей состоятельных и находившихся в родственных отношениях с представителями высших общественных слоев, а также военных. Что касается уровня образования, то в этом отношении петрашевцы, среди которых были выпускники высших учебных заведений (университетов, Александровского лицея, Училища правоведения и др.), преподаватели и учёные, стояли гораздо выше декабристов. Но главное, что объединяло декабристов и петрашевцев, – это их принадлежность «к одному и тому же господскому, „барскому“, так сказать, обществу» [10, т. 25, с. 25].

По мнению Ф.М. Достоевского «коренное изменение типа политического преступника» произошло лишь в середине – второй половине 1850-х годов, когда в революционное движение пришли выходцы из мещан и разночинцев. Писатель обращает внимание еще на одно, помимо социального происхождения, различие между двумя поколениями революционеров. Петрашевцы еще догадывались о своем коренном разрыве с народом, революционеры 1860–1870-х годов о нем и не подозревают. (К этой теме, о разрыве с народом значительной части русской общества, сквозной и определяющей в публицистике Ф.М. Достоевского, мы вернемся ниже.)

Как видим, оценивая современное ему революционное движение, Ф.М. Достоевский обращал внимание на ряд моментов. Прежде всего это изменение, «измельчание» типа революционера. На смену образованным выходцам из привилегированных слоев пришли полуграмотные разночинцы, мещане и т.п. люди. Значительно снизился уровень революционной пропаганды. Увеличилось непонимание со стороны революционеров народных нужд, потребностей.

Писатель решительно не принимал главную идейно-нравственную основу революционного движения: атеизм. Для него это было равнозначно полному отсутствию каких-либо нравственных начал, когда всё, даже преступление становится дозволенным и оправданным. Прежние надежды «социалистов» 1840-х годов на новые нравственные основы социализма не оправдались: он «не указал до сих пор ни единой, кроме гнусных извращений природы и здравого смысла» [10, т. 21, с. 10]. На таких идейных основаниях, полагал Ф.М. Достоевский, ничего положительного создать нельзя. Революционеры ничего не могут предложить, кроме разрушения старого общества: «... по-настоящему ничего ещё не решено, чем будущее общество заменится, а решено лишь только, чтоб настоящее провалилось, – и вот пока вся формула политического социализма» [10, т. 21, с. 130].

Как продолжение этой же темы выступают в «Дневнике писателя» и размышления Ф.М. Достоевского относительно так называемой теории «среды». Формально он обращается к теории «среды» в связи с участвовавшими оправдательными приговорами судом присяжных уголовных преступлений. Дескать, тяжелые условия жизни толкают людей на преступления, «среда заела». В обществе, «гадко» устроенном, «нельзя ужиться без протеста и преступлений», «нельзя из него выбиться без ножа в руках». Фактически же, эта теория вполне применима и в революционной практике. Если общество несправедливо («гадко устроено»), необходимо его насильственно уничтожить.

Теории «среды», правде «среды» Ф.М. Достоевский противопоставляет христианскую правду: «Делая человека ответственным, христианство тем самым признает и свободу его. Делая же человека зависящим от каждой ошибки в устройстве общественном, учение о среде доводит человека до совершенной безличности, до совершенного освобождения его от всякого нравственного лично долга, от всякой самостоятельности, доводит до мерзейшего рабства, какое только можно вообразить» [10, т.21, с. 16]. Иными словами, христианское учение, в отличие от учения о «среде», дает каждому человеку возможность выбора: подчиниться обстоятельствам, «среде» или бороться против несправедливого общественного устройства. Но эта борьба, по Ф.М. Достоевскому, не предполагает революционного насилия. Изменить общество, «среду» каждый человек может, только изменив себя, приближаясь к тому высокому нравственному идеалу, который явило христианское учение.

И здесь мы подошли к вопросу о том, что лежало в основе восприятия Ф.М. Достоевским социалистических идей и революционной практики? Анализ общественно-политических взглядов Ф.М. Достоевского, выраженных, повторимся, прежде всего в его публицистике, показывает, что в ряду современных ему русских консервативных мыслителей писатель стоял особняком. Консерваторы весьма критично оценивали положение в стране в «эпоху великих реформ» и последующее время. Приведем две цитаты, в которых содержится квинтэссенция такой оценки. Первая – из сочинения К.П. Победоносцева «Болезни нашего времени». «... Стоит только пройтись по улицам большого или малого города, по большой или малой деревне, чтоб увидеть разом и на каждом шагу, в какой бездне улучшений мы нуждаемся и какая повсюду лежит безобразная масса покинутых дел, пренебреженных учреждений, рассыпанных храмин. Вот школы, в которых учитель, покинув детей, составляет рефераты о методах преподаваний и фразистые речи для публичных заседаний; вот учебные заведения, где, под видом и формой преподавания, обучение не производится, и бестолковые учителя сами не знают, чему учить и чего требовать в смешении понятий, приказаний и инструкций; вот больница, в которую боится идти народ потому, что там холод, голод, беспорядок и равнодушие своекорыстного управления; вот общественное хозяйство, в котором деньги собираются большие и никто ни за чем не смотрит, кроме своего прибýtка или тщеславия; вот библиотека, в которой всё разрознено, растеряно и распущено, и нельзя найти толку ни в употреблении сумм, ни в пользовании книгами; вот улица, по которой пройти нельзя без ужаса и омерзения от нечистот, заражающих воздух, и от скопления домов разврата и пьянства; вот присутственное место, призванное к важнейшему государственному отправлению, в котором водворился хаос неурядицы и неправды, за неспособностью чиновников, туда назначаемых; вот департамент, в который, когда ни придешь за делом, не находишь нужных для дела лиц, обязанных там присутствовать; вот храмы – светильники народные, оставленные посреди сел и деревень запертыми, без службы и пения, и вот другие, из коих, за крайним бесчинием службы, не выносит народ ничего, кроме хаоса, неведения и раздражения... Велик этот свиток, и сколько в нем написано у нас рыданий, и жалости, и горя» [11,

с. 102–103]. Вторая цитата принадлежит Р.А. Фадееву, автору книги «Русское общество в настоящем и будущем (Чем нам быть?)», вызвавшая в свое время большой переполох в печати и правящих верхах. «Современное состояние дважды обновленного русского общества, во всяком проявлении его, до какого ни коснись, – до жизни высших и низших слоев, до земского управления, до церковного причта, до школы светской и духовной, до печати, до войска, до семейного быта, – доказывает совершенный разброд людей и понятий, ничем между собою не связанных» [12, с. 9].

Ф.М. Достоевский разделял подобные оценки. Не случайно свой роман «Подросток» он первоначально собирался озаглавить «Беспорядок». Писатель сетовал на «беспорядок всеобщий, беспорядок везде и всюду». Однако коренную причину этого «беспорядка» он видел, в отличие от других консерваторов, не в глубоком кризисе государственных, общественных, сословных, религиозных институтов, а в серьезном нравственном недуге, давно поразившем и теперь разъедающем русское общество. Ф.М. Достоевский-публицист постигал социально-экономические и политические вопросы русской жизни художественным чутьём Ф.М. Достоевского-писателя.

По мысли Ф.М. Достоевского, общество должно строиться на началах нравственных, то есть христианских, точнее, православных. Просвещенная часть русского общества, приобщившись, благодаря реформам Петра I, к европейской цивилизации, разорвала связь с остальной массой русского народа, оторвалась от «родной почвы» и в итоге утратила нравственный идеал. (Писатель неоднократно подчёркивал, что католический и протестантский Запад давно растерял подлинные христианские ценности, они остались только в православии.) А.И. Герцен, о котором шла речь выше, был для автора «Дневника писателя» наиболее выразительным воплощением такого типа русских людей: русский дворянин и гражданин мира. «В полтора года жизни русского барства за весьма малыми исключениями истлели последние корни, расшатались последние связи его с русской почвой и с русской правдой. Герцену как будто сама история предназначила выразить собою в самом ярком типе этот разрыв с народом огромного большинства образованного нашего сословия. В этом смысле это тип исторический. Отделяясь от народа, они естественно потеряли и бога. <...> К русскому народу они питали лишь одно презрение, воображая и веруя в то же время, что любят его и желают ему всего лучшего» [10, т. 21, с. 9]. Люди такого типа нередко становились социалистами и революционерами, «из одного только “логического течения идей” и от сердечной пустоты на родине» [10, т. 21, с. 9].

Подлинный христианский идеал, главная, повторим, нравственная основа общественной жизни, сохранился, по убеждению писателя, только в русском народе, в «почве». Он, русский народ, русский мужик является единственным хранителем и носителем «Христовой истины», «истинной истины, настоящего Христова образа, затемнившегося во всех других верах и во всех других народах» [10, т. 23, с. 46].

Как и многие современные ему мыслители и публицисты либерального и консервативного направления, Ф.М. Достоевский не идеализировал русский народ. Более того, он признавал, что русский мужик «груб и невежествен, предан мраку и разврату». Этому во многом способствовали сами условия русской жизни (та самая «среда»). Автор «Дневника писателя» указывал на два главных недуга, которыми страдал русский народ. Первый – пьянство со всеми вытекающими из него последствиями, наиболее опасным из которых является фактическое вырождение нации: «Матери пьют, дети пьют, церкви пустеют, отцы разбойничают; бронзовую руку у Ивана Сусанина отпилили и в кабаке снесли; а в кабаке приняли! Спросите лишь одну медицину: какое может родиться поколение от таких пьяниц?» [10, т. 21, с. 94]. Другим недугом Ф.М. Достоевский считал начавшееся почти повсеместно преклонение народа перед материальными ценностями в ущерб нравственным: «Да и одно ли вино свирепствует и развращает народ в наше удивительное время? Носится как бы какой-то дурман повсеместно, какой-то зуд разврата. В народе началось какое-то неслыханное извращение идей с повсеместным поклонением материализму. Материализмом я называю, в данном случае, преклонение народа перед деньгами, пред властью золотого мешка. В народ как бы вдруг прорвалась мысль, что мешок теперь всё, заключает в себе всякую силу, а что всё, о чем говорили ему и чему учили его доселе отцы, – всё вздор. Беда, если он укрепитесь в таких мыслях <...>» [10, т. 22, с. 30].

От подобных картин народной жизни можно было, казалось, прийти в отчаяние. Однако Ф.М. Достоевский верил в русский народ – носитель нравственного идеала и призывал судить его не по проявлениям этих далеко не лучших качеств, «не по тем мерзостям, которые он так часто делает», а по той силе духа, которая в нем заложена и которую он уже не раз являл и ещё явит, спасая Россию. Но здесь для писателя оставался вопрос: как долго народ в одиночку будет способен противостоять поразившим его недугам? На помощь духовенства Ф.М. Достоевский не рассчитывал. Признавая, что такая помощь народу необходима как никогда, он в то же время признавал, что церковь после преобразований Петра Великого находится в параличе.

Помочь народу преодолеть его недуги могло бы дворянство. Только оно было способно, передав народу «грамотность и науку, рассеять мрак его невежества». При этом дворянство, по замыслу Ф.М. Достоевского, должно было именно обучать народ грамоте, но ни в коем случае не просвещать его в духе европейских идеалов. Русский народ давно уже просвещен христианским учением. И в этом отношении, наоборот, дворянство само должно было просветиться от народа, вернувшись к утраченной за десятилетия европейских скитаний истинной вере. Благодаря такому просвещению

дворянство вернется на родную почву, соединится с народом. Образованный народ и просвещенное в подлинно христианском духе дворянство, соединившись, положат начало нравственному обновлению России.

О необходимости союза между народом и дворянством Ф.М. Достоевский впервые возвестил в начале 1860-х годов, в период издания журналов «Время» и «Эпоха». Писателю казалось, что с отменой крепостного права рухнули сословные перегородки, а следовательно, исчезли препятствия для такого союза. Спустя десятилетие, в середине 1870-х годов в «Дневнике писателя» зазвучали новые мотивы. Для Ф.М. Достоевского к этому времени стало очевидно, что его призывы к объединению сословий услышаны, но проигнорированы. Poleмика вокруг романа И.С. Тургенева «Новь» обнаружила весьма скептическое отношение тех, к кому в первую очередь эти призывы были обращены, то есть дворянства, к возможности передать своё дело в руки массы и подчиниться народным идеалам. Обращение к дворянству ещё оставалось в силе, принимая форму то «категорического императива» (как в Пушкинской речи), то робкой надежды (как в январском выпуске «Дневника писателя» за 1881 год). Ф.М. Достоевский по-прежнему признавал, что высшее сословие может и должно быть «вожатаем» и «предводителем» народа, но он категорически отрицал какое-либо нравственное и культурное (в смысле приобщения к плодам европейской цивилизации) превосходство первого сословия, на котором настаивали такие консервативные публицисты, как, например, В.П. Мецкерский, Р.А. Фадеев.

Новой у Ф.М. Достоевского в 1870-е годы стала идея о необходимости единения самодержавия и народа. Раньше писатель не развивал эту тему, подчёркивая, напротив, что самодержавие со времен Петра I «осознало себя на европейский манер», а потому утратило саму мысль о «древнерусском отношении своём к народу». Однако то обстоятельство, что верховная власть по собственному почину, «во имя народных начал» освободила крестьян с землёй, сделало ее теперь в глазах автора «Дневника писателя» силой, способной стать опорой народа на новом пути.

Таким образом, оценивая состояние русского общества в первые пореформенные десятилетия как нравственный кризис, Ф.М. Достоевский полагал, что и преодолеть его можно только путём коренного нравственного обновления на основе тех ценностей, единственным носителем которых являлся русский народ, то есть «почва». По сути, это была консервативная утопия. Умозрительные почвеннические построения Ф.М. Достоевского вряд ли могли быть переведены в плоскость политической практики, но он сам попытался сделать это. На рубеже 1870–1880-х годов в обществе и правительственных кругах активно обсуждалась возможность созыва земского собора. Ф.М. Достоевский не остался в стороне от этих конституционных исканий. В январском 1881 года выпуске «Дневника писателя» он выступил с критикой различных проектов «увенчать здание» (то создать общероссийский представительный орган) как ограничивающих, по его мнению, самодержавие и отстраняющих народ от политической жизни.

Неприятие формально-институционального пути выхода из кризиса логически вытекало у Ф.М. Достоевского из его установки на необходимость нравственного оздоровления общества. Но он не удержался, поддавшись, что называется, искушению, высказал-таки «магическое словцо»: «Позовите серые зипуны и спросите их самих об их нуждах, о том, чего им надо, и они скажут вам правду, и мы все, в первый раз, может быть, услышим настоящую правду» [10, т. 27, с.21]. Обнародовав этот едва ли способный воплотиться призыв, Ф.М. Достоевский тут же спохватывается и уточняет, ещё больше оттеняя всю несбыточность и весь утопизм своего предложения: «И не нужно никаких великих подъёмов и сборов; народ можно спросить по местам, по уездам, по хижинам. Ибо народ наш, и по местам сидя, скажет точь-в-точь всё то же, что сказал бы и весь вкуче, ибо он един» [10, т. 27, с. 21].

Заключение

Подведём итоги. Отношение Ф.М. Достоевского к революционному движению было неоднозначным. В этом движении он безусловно отвергал революционные формы политической борьбы, то есть прежде всего насилие в любых его проявлениях. Революционное насилие, чем бы оно ни оправдывалось, противоречило тому христианскому идеалу, в который верил Ф.М. Достоевский, было лишено каких бы то ни было нравственных оснований. В целом негативным было отношение писателя и к самому революционному движению.

Принципиально важно, на наш взгляд, подчеркнуть следующее. Антиреволюционный пафос Ф.М. Достоевского и объективно и субъективно был направлен сразу против двух направлений в пореформенном общественном движении и общественно-политической мысли: социалистического и либерального. Для значительной части теоретиков и практиков русского социализма революция и сопутствующее ей революционное насилие были едва ли не единственным способом достижения и утверждения социалистического идеала. Сложнее обстояло дело с русским либерализмом. Не имея на протяжении длительного времени собственной социальной основы, русские либералы тяготели к силам, отнюдь не сочувствующим либеральным идеям: самодержавию и дворянству. Вместе с ними противостояли революционной угрозе. Но либералы, так же как и социалисты, были, по выражению Ф.М. Достоевского, «оторваны от родной почвы» и своим «европейничаньем» немало способствовали созданию благоприятных условий для распространения революционных идей. В то же время писатель по сути предугадал «сползание» русских либералов на революционный путь. Пройдёт

немного времени и либералы, обретя в лице российской буржуазии надёжную социальную базу, почувствуют в себе достаточно силы, чтобы бросить открытый вызов самодержавию и стать во главе двух российских революций.

Вместе с тем в негативном отношении Ф.М. Достоевского к революционному движению были элементы, мы бы сказали, определенного понимания и даже сочувствия, проистекавшие из его собственного революционного прошлого. Показательна эта оговорка в цитате, приведённой ранее: «Зачем у них это так глупо и неумело выходит?». Исследователи уже обращали внимание на диалог, который, если верить А.С. Суворину, журналисту и издателю, состоялся у него с Ф.М. Достоевским в феврале 1880 года, вскоре после взрыва в Зимнем дворце, устроенном народником С.Н. Халтуриным. Оба, осуждая это преступление, сошлись во мнении, что если бы заранее знали о готовящемся взрыве, то не стали бы об этом доносить властям [13, с. 135–136]. По мнению И.Л. Волгина, Ф.М. Достоевскому была невыносима сама мысль о возможности политического доноса, как безнравственная [13, с. 137–138]. Представляется, помимо этого были ещё сочувствие и понимание. Мы уже приводили признание Ф.М. Достоевского, что, будучи, петрашевцем, он сам при определённых условиях мог решиться на убийство.

Полемика Ф.М. Достоевского с оппонентами, прежде всего из социалистического лагеря, с революционной демократией, позволяет говорить и об особенностях консерватизма автора «Дневника писателя». Выделим здесь лишь две. В отличие от других консерваторов, Ф.М. Достоевский не предложил сколько-нибудь конкретной политической программы выхода из того «беспорядка», в котором Россия находилась в первые пореформенные десятилетия. Он предложил скорее мечту, «Сон смешного человека» (фантастический рассказ, напечатанный в апрельском выпуске «Дневника писателя» за 1877 год), герой которого попадает на неизвестную планету, где все люди живут счастливо, как в райском саду. Но как достичь этого счастья писатель не знал. «... Я не знаю, как это всё будет, но это сбудется, Сад будет. <...> Человечество обновится в Саду и Садам выправится – вот формула» [10, т. 23, с. 96]. Ф.М. Достоевский и сам порой называл некоторые свои «политические» предложения утопией, мечтой.

Русские консерваторы в поисках силы, способной в пореформенной России сыграть роль своеобразного социального мессии, ориентировались на самодержавие, дворянство, церковь, даже земские учреждения. Ф.М. Достоевский и здесь стоял особняком. Он связывал свои надежды даже не с крестьянством, а с теми нравственными идеалами, единственным хранителем и носителем которых оно являлось.

К сожалению, эти надежды писателя не оправдались. Сил, противостоявших революции, физических и нравственных, оказалось недостаточно. В начале XX столетия Россия прошла через потрясения трех революций, имевших катастрофические последствия для страны, о чём предупреждал Ф.М. Достоевский. Они должны послужить для нас хорошим уроком. Есть Пророки в своем Отечестве.

Примечания:

1. Лотарев К. А., Никотин А. Д. Либерализм и консерватизм в России: онтологические основы и политическое развитие: монография / К.А. Лотарев, А. Д. Никотин; ФГОУ ВПО «Волгоградская академия государственной службы». Волгоград: Изд-во ФГОУ ВПО ВАГС, 2008. 264 с.
2. Лотарев К. А. Стабилизирующие и консолидирующие ресурсы консерватизма в России // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. 2014. № 6. С. 91-99.
3. Кузнецов О.В. Р.А. Фадеев генерал и публицист. Волгоград: Издательство Волгоградского государственного университета, 1998. 182 с.
4. Кузнецов О.В. Рец. на кн.: Против течения: исторические портреты русских консерваторов первой трети XIX столетия / Отв. ред. А.Ю. Минаков Воронеж: Воронежский государственный университет, 2005. 417 с. / Кузнецов О.В. // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 4. История. Регионоведение. Международные отношения. № 1 (13). Волгоград : Издательство ВолГУ, 2008. С. 175-180.
5. Janet Tucker. Dostoevsky's Crime and Punishment: Stopping History's Clock // Russian History. 2009. Volume 36, Issue 3, pages 443–453.
6. Пантин, И.К. [и др.]. Революционная традиция в России: 1783–1883 гг. / И.К. Пантин, Е.Г. Плимак, В.Г. Хорос. М.: Мысль, 1986. 343 с.
7. Китаев, В.А. XIX век: пути русской мысли: Научные труды / В.А. Китаев. Нижний Новгород: Издательство Нижегородского университета, 2008. 355 с.
8. Тарасова, Н. А. «Дневник писателя» Ф. М. Достоевского (1876–1877): критика текста: монография / Н.А. Тарасова. М.: Квадрига; МБА, 2011. 392 с.
9. Любятинская, У.С. Исторические воззрения Ф.М. Достоевского (по материалам «Дневника писателя»): дис. ... канд. ист. наук: 07.00.09. РГБ ОД, 61:06-7/626. М., 2006. 193 с.
10. Достоевский, Ф.М. Полное собрание сочинений: в 30 т. / Ф.М. Достоевский. – Т. 21. Л.: Издательство «Наука», 1980. – 552 с.; Т. 22. Л.: Издательство «Наука», 1981. – 408 с.; Т. 23. Л.: Издательство «Наука», 1981. – 424 с.; Т. 25. – Л., Издательство «Наука», 1983. – 472 с.

11. Победоносцев, К.П. Великая ложь нашего времени / К.П. Победоносцев. М., 1993. 640 с.
12. Фадеев, Р.А. Собрание сочинений: в 3 т. Т.3, ч. 1 / Р.А. Фадеев. СПб.: Типография В.В. Комарова, 1889. 225 с.
13. Волгин, И.Л. Последний год Достоевского: Исторические записки / И.Л. Волгин. М.: Советский писатель, 1991. 544 с.

References:

1. Lotarev K.A., Nicotin A.D. Liberalism and Conservatism in Russia: Ontological foundations and political development: monograph / K.A. Lotarev, A.D. Nicotin., Volgograd: «Volgograd Academy of Public Administration», 2008. - 264 p.
2. Lotarev K.A. Stabilizing and consolidating resources conservatism in Russia // Vestnik Volgograd State University. Series 4, history. Regional Studies. International relationships. 2014. № 6. p. 91-99.
3. Kuznetsov O.V. R.A. Fadeyev, general and writer. Volgograd: Volgograd State University, 1998. 182 p.
4. Kuznetsov O.V. Rets. in the book.: Against the Current: historical portraits of Russian conservatives of the first third of the XIX century / Editor. Ed. A.Y. Minakov. Voronezh State University, 2005. 417 p. / Kuznetsov O.V. // Bulletin of Volgograd State University. Ser. 4. History. Regional Studies. International relationships. Number 1 (13). Volgograd, 2008. P. 175-180.
5. Janet Tucker. Dostoevsky's Crime and Punishment: Stopping History's Clock // Russian History. 2009. Volume 36, Issue 3, p. 443-453.
6. Pantin I.K. [and etc.]. The revolutionary tradition in Russia: 1783-1883 years / I.K. Pantin, E.G. Plimak, V.G. Horos. Moscow: Thought, 1986. 343 p.
7. Kitaev V.A. XIX century: the way of Russian thought: Proceedings / V.A. Kitaev. Nizhny Novgorod: the Nizhny Novgorod State University, 2008. 355 p.
8. Tarasova, N.A. «Diary of a Writer» F. Dostoyevsky (1876-1877): A critique of the text: monograph / N.A. Tarasova. M.: Quadriga; 2011. 392 p.
9. Lyubyatinskaya, U.S. Historical views F.M. Dostoevsky (based on the «Diary of a Writer»): Dis. ... Cand. Historical Sciences: 07.00.09. RSL DD, 61: 06-7 / 626. Moscow, 2006. 193 p.
10. Dostoevsky F. Complete Works in 30 volem. / F.M. Dostoevsky. – Vol. 21. Moscow: «Nauka», 1980. 552 p. ; Vol. 22. Moscow: «Nauka», 1981. 408 p. ; Vol. 23. Moscow: «Nauka», 1981. - 424 p. ; Vol. 25. Moscow: «Nauka», 1983. - 472 p. ; Vol. 27. Moscow: «Nauka», 1984. 464 p.
11. Pobedonostsev K.P. The great lie of our time / K.P. Pobedonostsev. M. : Russian book, 1993. 640 p.
12. Fadeev R.A. Complete Works in 3 volem. V.3, h. 1 / R.A. Fadeev. SPb.: Printing V.V. Komarova, 1889. 225 p.
13. Volgin, I.L. Last year Dostoevsky: Historical Records / I.L. Volgin. M.: The Soviet writer, 1991. 544 p.

УДК 821.161.1

**Революционное движение в оценке Ф.М. Достоевского:
к пониманию консерватизма в политической истории России**

¹ Константин Анатольевич Лотарев

² Олег Викторович Кузнецов

¹⁻² Волгоградский государственный университет, Российская Федерация

¹ Кандидат политических наук, доцент

E-mail: lotarev16@mail.ru

² Кандидат исторических наук, доцент

E-mail: kusnezov_oleg@mail.ru

Аннотация. В статье предпринята попытка показать особенности консервативного мировоззрения Ф.М. Достоевского через призму его оценок революционного движения и социалистических идей в России. Основной акцент делается на анализе не художественного творчества, а публицистики, прежде всего «Дневника писателя». Это позволило выявить общественно-политические взгляды Ф.М. Достоевского и возможность их практической реализации. Сделан вывод о том, что главной причиной политических потрясений 1860-х – начала 1880-х годов, распространения революционных идей писатель считал глубокий нравственный кризис, поразивший русское общество. Поэтому причину преодоления кризиса он видел не в реформировании государственных институтов, а в коренном нравственном обновлении русской жизни на основе христианских православных ценностей.

Ключевые слова: общественное движение, революционное движение, общественно-политическая мысль, консерватизм, либерализм, социализм, почвенничество.